

около гор Симла, на западе от Инда—Лоралаи, Дераджате, Эхобе, Банну и др. Недостаток археологических обследований не дает нам возможности сказать, что в долине реки Ганга существовало в это время такое же развитое общество; однако из этого не следует, что в ближайшем будущем мы не сможем этого сделать. Население долины Ганга находилось не в худших условиях естественно-географической среды, чем жители долины Инда, с которыми они должны были поддерживать оживленные сношения при отсутствии серьезных естественных препятствий.

Сравнивая культурные достижения древнейшего общества Индии с другими обществами древнего Востока, мы можем и его определить как ранне-классовый рабовладельческий строй со значительной ролью в социальной организации сельской общины. Происхождение культуры древнейшей Индии и образование раннего государства на территории долины Инда не находятся ни в какой связи с так наз. «вторжением ариев», во всяком случае эта культура предшествовала вторжению,—таков вывод, к которому мы приходим на основе объективного исследования исторических материалов, вскрытых последними археологическими раскопками.

И. Снегирев

Новая надпись Ксеркса

За недавние годы было найдено и опубликовано несколько новых древнеперсидских надписей. Так, в конце 20-х годов были изданы надписи Дария (на золотой и серебряной табличках, найденных в Гамадане), короткая надпись Артаксеркса II, ахеменидские надписи, найденные в 1929 г. при раскопках Сузы (в числе шести, из которых одна содержала описание постройки дворца Дария в Сузе. См. K ö n i g, *Der Burgbau zu Susa nach dem Bäuberichte des Königs Dareios I* в «Mitteilungen d. vorderasiatischen Gesellschaft», 1930, I). Тридцатые годы принесли ряд дальнейших открытий. В 1930 г. Герцфельд опубликовал две надписи из Гамадана (одна—Ариарамна, другая, краткая,—Ксеркса). В следующем году была найдена еще одна большая и содержательная надпись Ксеркса (опубликованная Герцфельдом в «Archäologische Mitteilungen aus Iran», 1932, II); в 1933 г. Шейль (в «Mémoires de la Mission archéologique en Perse», XXIV) опубликовала новую надпись Дария, в которой идет речь о восстановлении порядка в стране¹. Наконец, в 1935 г. при раскопках, произведенных Чикагским восточным институтом в Персеполисе, была открыта новая большая надпись Ксеркса (на древнеперсидском языке, с вавилонской и аккадской версиями), привлекавшая внимание иранистов своим весьма интересным содержанием.

Ее публикация (H e r z f e l d в «Archäol. Mitteil. aus Iran», 1937, VIII, стр. 56—77; транскрипция и перевод, с некоторыми изменениями против названного только что издания, повторены в «Altpersische Inschriften», Berlin, 1938, № 14) встретила живейшие отклики со стороны ученых разных стран. Внимание комментаторов было обращено в особенности на ту часть надписи, где речь идет о некоей стране, где господствовал культ daiva (идолов, враждебных божеств), о покорении этой страны и ниспровержении культа daiva Ксерксом, как только он вступил на царский престол.

К настоящему времени, помимо публикаций и статей Герцфельда, появилось детальное исследование Гартмана, посвященное ряду темных мест надписи («Orientalistische Literaturzeitung», 1937, № 3, март), публикация, перевод и комментарий Кента

ляются хронологически более поздними, но непосредственно следующими за ними. К какому времени относится четвертый этап древнеиндийской культуры, представленный пока лишь грубой серой керамикой с насечкой, сейчас нельзя точно установить. Попытку установить периодизацию археологического материала, относящегося к древнейшим этапам развития общества в Индии, сделал недавно Норман Броун: W. N o r m a n B r o w n, *The Beginnings of Civilization in India* («Supplement to the Journal of the American Oriental Society», № 4, 1939, стр. 32—44).

¹ Более подробно о находках древнеперсидских текстов за указанные годы (с библиограф. указаниями) см. R. G. Kent в JAOS, v. 56, № 2 (June, 1936).

(в журнале «Language», vol. XIII, 1937, № 4, октябрь—декабрь) и большая статья Леви (в RH за 1939 г., fasc. 1, стр. 105), посвященная специально вопросу о daiva.

Таким образом, существуют два полных перевода надписи. Перевод строк 28—41 имеется, кроме того, в указанных статьях Гартмана и Леви.

Нет сомнения, что эта надпись не останется без внимания и советских иранистов, от которых мы будем ждать оригинального перевода и ответа на ряд важных вопросов исторического и филологического характера, не получивших еще исчерпывающего объяснения. Нам хотелось бы, однако, уже теперь ознакомить читателя с текстом надписи и с теми предположениями, которые были высказаны по поводу ее исторического содержания. Основой нашего перевода надписи служат вышеназванные переводы Герцфельда и Кента, с некоторыми поправками, предложенными в работе Гартмана.

Надпись гласит:

§ 1. 1—6. Велик бог Агурамазда, который сотворил эту землю, который сотворил это небо, который сотворил человека, который сотворил порядок для человека, который сделал Ксеркса царем, царем множеств, законодателем множеств.

§ 2. 6—13. Я, Ксеркс, великий царь, царь царей, царь стран со многими людьми, царь на этой большой земле, вдоль и вширь, сын Дария царя, ахеменид, перс, сын перса, арий, из рода ариев.

§ 3. 13—28. Говорит Ксеркс царь: по воле Агурамазды, вот те страны, которыми я владел за пределами Персии; я управлял ими, они приносили мне дань; они исполняли то, что я им приказывал; я дал им закон, и он для них крепок: Мидия, Сузиана, Арракосия, Армения, Дрангиана, Парфия, Ария, Бактрия, Согдиана, Хоразмия, Вавилония, Ассирия, Саттагидия, Сарды, Египет, ионийцы, живущие на море, и те, что живут за морем, макски¹, Аравия, Гандара, Синд, Каппадокия, дахи², амирские скифы, скифы с остроконечными шапками, Скудра, люди Акауфака³, пунтии⁴, карийцы, эфиопы.

§ 4а. 28—35. Говорит Ксеркс царь: когда я стал царем среди тех стран, которые перечислены выше, была (одна, которая) учинила мятеж. Тогда Агурамазда подал мне помощь; по воле Агурамазды я покорил эту страну и снова утвердил в ней порядок.

§ 4б. 35—41. И среди этих стран была (одна страна), где прежде были почитаемы идолы (daivā). Тогда по воле Агурамазды я разрушил храм этих идолов и объявил запрет: «Да не будешь ты впредь поклоняться идолам». Где прежде были почитаемы идолы, я совершил службу Агурамазде по закону и с жертвенными ветвями⁵.

¹ Жители страны Мака—одной из восточных провинций. Кент ищет ей аналогии в Макран (Mekran)—южная часть Белуджистана, или в Maskat—южная часть Аравии (см. K e n t, JAOS, 1936, № 2, стр. 217 сл.).

² dahā—встречается в древнеперсидских надписях впервые. Под сходным наименованием dāa и как скифское племя, повидимому, этот же самый народ упоминается в нескольких местах Страбона (например, VII, 3, 12); он локализуется их первоначально в Причерноморских степях, а затем отмечает их переселение в Закаспийские степи.

³ Жители горной страны. Кент ищет ее по соседству с Белуджистаном в соврем. Когистане, где наименование это существует поныне (см. «Language», vol. XIII, № 4, стр. 298 сл.).

⁴ Имеют ли они отношение к Пунту древних египтян, пока остается спорным. Ср. RH, 1939, I, стр. 106.

⁵ В персидском тексте artaca brazmaniy, вавилонская и аккадская версии дают лишь транслитерацию этих слов. Место у Леви оставлено под вопросом. Герцфельд переводит это место «mit Rtam dem brazmanischen», заменяя, таким образом, одно неизвестное другим. Rtam, по его толкованию, символизирует морализирующий элемент маздеистского учения и может быть переведено как «добро», «правда» и т. п. (См. «Altperische Inschriften», стр. 287 сл.). Кент переводит: «I worshiped Ahuramazda and the holy Arta». Мы используем здесь толкование Гартмана, которое, во всяком случае, весьма детально обосновано (см. «Orient. Literaturzeitung», ук. статья, стр. 153). Перевод этого места, данный Гартманом там же, звучит следующим образом: «da verehrte ich den Ahuramazda durch Gerechtigkeit und bei den Opferzweigen».

§ 4. 41—46. И там было другое (что) совершалось дурно. Я сделал это хорошо. Все, что я совершил, я совершил это по воле Агурамазды. Агурамазда оказывал мне помощь, пока я не завершил дело.

§ 4. 46—56. Ты, который в будущем помыслишь: «Да буду счастлив я при жизни и блажен, когда умру», почитай закон, который установил Агурамазда, почитай Агурамазду по закону с жертвенными ветвями. Человек, который хранит почтение к закону, установленному Агурамаздой, и почитает Агурамазду по закону и с жертвенными ветвями, он, равно, будет счастлив при жизни и блажен, когда умрет.

§ 5. 56—60. Говорит Ксеркс царь: Да защитит меня Агурамазда от зла и мой дворец и эту страну. Это я прошу у Агурамазды. Да подаст мне это Агурамазда.

Надпись таким образом содержит: (1) обращение к творцу Агурамазде; (2) титулатуру Ксеркса; (3) перечисление стран-провинций или данниц персидского царства, среди которых упомянуты ионийцы, живущие на островах, и заморские ионийцы, т. е. балканские греки; (4) сообщение о победе над возмущившейся страной и об уничтожении в ней храма и культа *daiva*; (5) обращение к потомкам о соблюдении культа Агурамазды; (6) заключительное обращение к Агурамазде-охранителю.

Как уже было сказано, наибольшее внимание исследователей привлек четвертый пункт этой надписи, имеющий первостепенное значение, и возникший в связи с этим вопрос о дате надписи. Герцфельд в названной выше публикации, а за ним Вильсон (см. у Кента в JAOS, стр. 214) хотят видеть в борьбе Ксеркса с *daiva* борьбу с божествами, чуждыми маздеистскому культу, и склонны рассматривать изложенные в надписи факты как финальный акт борьбы за утверждение зороастризма. Под *daiva* Герцфельд понимает древнеиранские божества, Митру и Анаиту, с которыми вел борьбу Зороастр. В этом же смысле высказывался Вильсон, утверждавший, что надпись свидетельствует о более позднем возникновении зороастризма и времени жизни самого Зороастра, нежели можно было думать, и что царь Vištāspa, обращенный в новую религию, не кто иной, как Гистасп, отец Дария.

Против такого широкого толкования текста надписи выступили Гартман и Кент. Кент допускает, что при упоминании о *daiva* речь идет действительно о каких-то антимаздеистских культах, но возражает против того, чтобы под этим именем могли быть понимаемы не-зороастрийские божества вообще. Указывая на терпимость Кира по отношению к иудеям, проявленную по взятии Вавилона, он считает, что лишь мятеж, поднятый где-либо жрецами какого-либо из чужеродных культов при вступлении Ксеркса на трон, мог породить репрессии, о которых сообщает надпись. Подобные соображения, а также и то, что Ксеркс называет себя просто царем, а не великим царем, как это было бы позже, равно как и то, что, по его мнению, список провинций отражает *status quo* до битв при Саламине и Платеях, заставляют Кента датировать надпись 486—480 гг. до н. э.¹

Гартман, подобно Кенту, также считает, что в надписи идет речь лишь о чисто местном выступлении²—о каком именно, об этом, по его мнению, знает греческая традиция, в частности, Геродот (I, 183), сообщающий об уничтожении Ксерксом статуи Бэла-Мардука в Вавилоне, об убийстве сопротивлявшихся ему жрецов храма Бэла. Скорей всего, думает он, Ксеркс имел в виду именно этот факт.

В самое недавнее время, с весьма интересной концепцией вопроса о *daiva* выступил французский ученый Изидор Леви. Отвергая все попытки локализовать анонимную страну в пределах персидского царства, он указывает на страну «ионийцев, живущих за морем», т. е. европейских эллинов, как на наиболее вероятную при разрешении этого вопроса.

¹ «Language», v. XIII, № 4, стр. 305.

² Персидский текст говорит об одной восставшей стране и об одном разрушенном храме. Аккадская версия употребляет в том и в другом случае множ. число. Гартман считает, что это не простая ошибка писца, но сознательное изменение, значение которого подлежит еще выяснению.

Герцифельд, на основании отсутствия в надписи Ксеркса упоминания об «ионийцах, носящих така» (т. е., вероятней всего, петас), под которыми разумеют македонян (и которые упомянуты единственный раз в надписи Дария из Накш-и-Рустем), датировал надпись Ксеркса временем после битвы при Саламине.

Леви, указывая на то, что саламинское сражение не могло немедленно изменить границы персидского царства, и в особенности при перечислении провинций в официальных актах, считает, что в данном случае «живущие за морем ионийцы» подразумевают также и «ионийцев, носящих така». Если это верно, то, по его мнению, именно среди них нужно искать тот народ и ту страну, которая оказала сопротивление персам в начале ксерксова царствования.

Действительно, несмотря на Марафон, Ксеркс был вправе считать себя владыкой и покровителем весьма значительной части населения Балканского полуострова, пусть это было чисто формальное или даже чисто символическое владычество.

Афиняне, после того как они изгнали писистратидов и нанесли сильнейший удар религиозным чувствам восточных народов актом сожжения в Сардах священных рощ и храмов (Herod., VII, 8), несомненно должны были считаться в Персеполисе народом, вышедшим из повиновения и занявшим резко враждебную позицию. Ксеркс организует большую экспедицию для усмирения виновных и в наказание за святотатство приказывает сжечь Акрополь и его храмы.

Таким образом, это была священная война в полном соответствии с текстом надписи Ксеркса. В повествовании Геродота Леви ищет подтверждения изложению хода событий, данному в надписи, и находит его.

Вслед за рассказом о взятии Акрополя Геродот (VIII, 54) сообщает о том, что через день после пожара Ксеркс приказал своим сторонникам в Афинах и прибывшим вместе с ним афинским изгнанникам совершить на Акрополе жертвоприношение. Геродот при этом не называет божество, которому оно было посвящено.

Но между фактами и концепцией Леви возникает противоречие, которому он не склонен придавать значение; однако оно, может быть, является одним из веских отрицательных аргументов.

Геродот говорит о том, что жертвоприношение было совершено согласно с греческими обычаями. Надпись же Ксеркса сообщает о жертвоприношении Агурамазде *artāsā brazmanīy*, т. е., соответственно интерпретации Гартмана, «по закону и с жертвенными ветвями». Что бы ни значило это выражение, присутствие его в строках 46—54 надписи свидетельствует категорически о том, что оно характеризует какие-то иранские, а не греческие религиозные действия.

Полагая, что надпись могла быть составлена после битвы при Саламине, Леви все же не считает возможным датировать ее позже сражения при Платеях, когда персы окончательно покинули европейскую Грецию. Этими двумя событиями определяется им дата надписи, которую он находит возможным еще более уточнить, приурочивая ее к осени 480 г., когда Ксеркс прибыл в Сарды с сознанием исполнения своей миссии: он наказал врага и сжег афинский акрополь.

Разумеется, чрезвычайно заманчиво видеть в этой надписи персидскую версию событий 480 г. в Греции. Ксеркс не называет по имени ни покоренную страну, ни божество, храм которого он уничтожил. Мотивы этого остаются нам не совсем понятны, даже если согласиться с Леви в том, что семитическому Востоку вообще было свойственно умолчание имени врага из презрения к нему. Но, во-первых, враг был уже побежден и наказан, а следовательно, не должен был больше считаться врагом, а с другой стороны, называет же Ксеркс в другой связи, при перечислении своих владений, ионийцев, живущих за морем.

На статью Леви откликнулся в краткой заметке Ш. Пикар¹, подчеркнувший, что спор между археологами оставляет еще далеким от выяснения вопрос о первом Парфеноне и его предполагаемом пожаре. Он готов поставить в связь с жертвоприношением Агурамазде на Акрополе символический миф о несгоревшей оливе Пандросейона.

¹ «Xerxès, les Ioniens révoltés et l'Acropole d'Athènes». RA, 1939, fasc. 2, стр. 266.

Добавим со своей стороны, что этот рассказ перекликается, может быть, с обычаем жертвенных ветвей, фигурирующих в надписи, по толкованию Гартмана. Все эти интересные вопросы требуют, однако, специальных исследований.

В заключение заметим лишь, что если надпись Ксеркса имеет в виду не Афины, а какую-либо другую область огромных персидских владений, то все же изложение событий 480 г. в персидской редакции должно было прозвучать, вероятней всего, именно так, как это мы читаем в надписи Ксеркса. С точки зрения двора в Персеполисе события этого года могли иметь чисто периферийное значение. Геродот и Эсхил слишком преувеличили для нас тот резонанс, который получило в Азии поражение персов при Саламине, и в этом смысле Леви совершенно справедливо цитирует Диона Хризостома (XI, стр. 367), влагающего в уста некоего мидийца персидскую версию 2-й греко-персидской войны. Версия эта весьма лаконична и сводится к тому, что Ксеркс, предприняв поход против греков, победил лакедемонян при Фермопилах и убил царя Леонида, затем взял и разрушил город Афины, обратив в рабство всех, кто не успел спастись бегством. Наложив на греков дань, он возвратился в Азию.

Л. Ельницкий

Выставка китайского искусства и новые археологические памятники древнего Китая

В Государственном Музее восточных культур открыта выставка, посвященная искусству Китая. Никогда еще в Советском Союзе не устраивалось выставки, на которой со столь значительной полнотой было бы показано искусство высоко одаренного китайского народа. Можно проследить на выставке почти четыре тысячелетия существования этого ценнейшего художественного наследия Китая, начиная с XV в. до н. э. и кончая искусством живой современности, когда китайское искусство ярко отражает героическую борьбу народа за свою независимость и свободу.

Наряду с выдающимися образцами китайского искусства, собранными Государственным Музеем восточных культур и предоставленными рядом других советских музеев, на выставке экспонируются исключительно интересные в художественном и научном отношении памятники китайского искусства, присланные национальным правительством Китая. Оно прислало предметы из раскопок в Аньяне—на месте древней столицы династии Шань-Инь (1400—1200 гг. до н. э.), интереснейшие изделия из бронзы и твердых камней (главным образом нефрита) II и I тысячелетий до н. э., богатую коллекцию первоклассных произведений китайской живописи VIII—XVIII вв. и значительное количество экспонатов по современному искусству: живопись, рисунок, гравюра на дереве, плакат и пр.

Благодаря раскопкам и систематическому изучению памятников китайской археологии и искусства в последние два десятилетия наше знание замечательного искусства Китая стало значительно более глубоким и полным. Удалось познакомиться прежде всего с так наз. культурой Яншао, датируемой III тысячелетием до н. э., с типичной для этой культуры расписной керамикой. Эта культура сделалась впервые известна благодаря раскопкам Андерсона в 20-х годах XX в.¹ Образцов керамики типа Яншао на выставке не представлено, зато памятники эпохи Шан-Инь, обнаруженные раскопками китайских археологов в Аньяне, представлены со значительной полнотой. В эту эпоху в культуре Китая, наряду с примитивным земледелием, важное значение имели охота и скотоводство. К этому же периоду относится и зарождение иероглифической письменности (надписи на гадательных костях и бронзовых сосудах). О культуре и искусстве этого периода удалось получить ряд весьма ценных сведений благодаря археологическим раскопкам, которые велись археологической секцией Института истории и филологии китайской Академии наук (Academia Sinica) в течение 10 лет (с 1928 по 1937 г.) в Аньяне,

¹ I. J. Arne, Painted Stone Age Pottery from the Province Ho-nan. Peking. 1925.